

СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РАЗРЕЗЕ ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

В последние годы, благодаря развитию в языкознании новой научной парадигмы, связанной с когнитивно-дискурсивным направлением в исследовании явлений речемыслительной деятельности человека, в науке о языке появились некоторые новые понятия и категории. Среди них – прототипическая семантика о проблемах восприятия, внимания, памяти, воображения, мышления, формирования концептов. Это объясняется тем, что когнитивизм в лингвистике, выйдя из русла когнитивной психологии, оказался той самой областью знания, в которой пересекаются интересы многих наук: психологии, логики, философии и т.п.

Дело в том, что языкознание давно перестало быть наукой только о языке.¹ Лингвистика, а в особенности семантика, должны изучать не только язык, но и сознание человека.² Язык отражает мир таким, каким его видит говорящий на этом языке человек. В течение последних десятилетий исследователи предпринимают многочисленные попытки объяснить, как рядовой носитель языка понимает и классифицирует мир,³ как он использует в языке весь свой жизненный опыт⁴ и накапливает знания,⁵ интерпретируя окружающую действительность и свою связь с ней.⁶

В когнитивной психологии на уровне зрительного опознания объекта или явления происходит сравнение некоторого нового образа с уже существующим эталоном (прототипом). В этом случае прототип представляет собой абстракцию набора стимулов, воплощающихся множеством сходных форм одного и того же образа.⁷ Л.А. Манерко отмечает, что в этом случае *“у каждого отдельного человека в сознании имеется свой образ того или иного предмета, тот, который ближе ему в связи со спецификой его собственного опыта, тот, который, будучи прототипическим, служит для сравнения и отождествления “нового”, похожего и непохожего на предыдущий образ предмета.”*⁸

В связи с подобным пониманием проблемы И.К. Архипов интерпретирует сущность так называемого “*когнитивного прототипа*”: он не существует сам по себе, а выделяется из определенной совокупности взаимосвязанных друг с другом концептов, относящихся к определенной концептосфере.⁹ Когнитивный прототип определяет смысл существования отдельного слова в ряду его синонимов и прочих единиц словарного состава языка. Когнитивный прототип определяет основной, базовый уровень лексики, чаще всего используемый в речи взрослым человеком и имеющий отношение к тому пласту слов, который прежде всего запоминают дети. Данный уровень лексики относится к базовому еще и потому, что он отвечает нуждам и запросам говорящих на том или ином языке. Именно поэтому термин “*прототипичность*” предполагает единодушие носителей языка, их способность охарактеризовать значения отдельных слов в отрыве от контекста.

Само понятие “*прототипичность*” является общим термином и указывает на разнообразные взаимосвязанные явления.¹⁰ Прототипичность связана с понятием “*лексический прототип*”. И.К. Архипов полагает, что он отличается от когнитивного прежде всего тем, что, будучи обращенным в окружающую действительность, он ориентирован внутрь лексико-семантической системы конкретного языка. Лексический прототип представляет собой “*содержательное ядро*” многозначного слова, цементирующее все его значения в единую семантическую структуру.¹¹

В отличие от полного энциклопедического или словарного значения, являющегося суммой знаний о предмете, лексический прототип есть некоторое единство образов, некоторый смысл, заложенный в сознание, отталкиваясь от которого, человек строит свои высказывания. Лексический прототип, по мнению Л.А. Манерко, опирается на этимологию, некоторый исток, уже забытый, но несущий в себе “*содержательный инвариант*” всех лексико-семантических вариантов многозначного слова.¹²

Той же точки зрения придерживается Е.С. Кубрякова: “*Для формирования категории в естественном языке в качестве приоритетного надо выделить исторический фактор, и лучшими представителями категорий становятся нередко исторически более ранние формы: начало исходному развитию слова кладет, например, его этимология. В развитии частей*

речи лучшими образцами или прототипами становились, по всей видимости, те слова, которые можно считать первыми (то есть те, появление которых опережает появление других)”.¹³

Таковыми лексическими прототипами, по нашему мнению, являются имена-соматизмы. Они подразумеваются в значениях производных слов и словосочетаний, соединяют отдельные лексемы в синтагмы и дают толчок к развитию новых смыслов. Само человеческое тело является наиболее доступным объектом изучения для человека с первых его жизненных шагов. Свою ориентацию в пространстве, оценку окружающего и т.п. человеку удобнее всего было соотносить с частями своего тела. Вот почему соматизмы принадлежат к древнейшему пласту словарного состава любого языка.

Американский лингвист М. Свадеш исследовал с этой точки зрения современный английский язык. Из 200 слов основного словарного состава выбранные им 22 единицы были наименованиями частей тела. При этом наиболее употребительные в составе образных выражений соматизмы относятся к исконной лексике (*eye – глаз*) или заимствованы из скандинавского в IX-XI вв. (*leg – нога*) или из французского в XIII в. (*face – лицо*).

А.В. Козаков утверждает, что полисемичность соматизмов *hand (рука)*, *eye (глаз)*, *head (голова)* благоприятствует их функционированию в составе образных средств.¹⁴ Однако, по нашему мнению, полисемичность является не причиной, а следствием употребления соматической лексики как элемента связанных сочетаний слов. Сначала имя-соматизм вступает в сочетания с другим именем на основе единства первичных образов¹⁵ и лишь затем в ходе развития языка возникают их дополнительные значения и смыслы.¹⁶

Идиомы, содержащие в своем составе имена с исходным значением частей тела человека или животного, в последнее время все чаще становятся объектом исследования. Сочетания, включающие в себя соматизмы, составляют значительную часть идиоматики любого языка и, по мнению Чой Юн Хи, представляют собой одну из языковых универсалий, так как в европейских языках на долю соматических фразеологизмов приходится около 25% от всех связанных сочетаний слов.¹⁷ Они характеризуются высокой частотностью употребления и разветвленностью семантической структуры.

Большую часть своей жизни человек занимается тем или иным видом деятельности. Его руки являются активными частями тела, так как с их помощью он совершает всевозможные операции. Именно в этом И. Адамсон видит причину того, что фразеологические единицы с компонентом *рука* составляют один из самых объемных пластов фразеологии разных языков.¹⁸ Подобного мнения придерживается и А.Д. Райхштейн: “рука как компонент фразеологических единиц в русском языке по частотности употребления находится на втором месте (на первом месте – глаз)”.¹⁹

По мысли указанного автора, «во всех исследованных языках на первых местах по фразообразовательной активности оказываются слова, обозначающие руку, глаз, голову <...>. Очевидно, не случайно, что названные компоненты наиболее прямо соответствуют чувственной (глаз) и логической (голова) ступеням познания, а также мерилу его истинности – практике (рука).²⁰ Другими словами, А.Д. Райхштейн отмечает неразрывную связь между перечисленными лексемами. В основе этого соотношения значений, по его мнению, лежит общечеловеческий, гносеологический и социальный фундамент.²¹

К сожалению, в этой работе, как и в целом ряде других исследований, посвященных изучению образной основы устойчивых сочетаний слов, принцип совмещения лингвоцентрического и антропоцентрического подходов к анализу внутренней формы той или иной идиомы был нарушен,²² вследствие чего ученые пытались связать исходную мотивировку с внеязыковыми факторами, явлениями или событиями.² В результате внутренняя форма отдельных лексических единиц и их сочетаний получила неверное толкование.

С точки зрения Н.А. Луценко, человеческое сознание изначально партиципативно, “поэтому человек не может удовлетвориться участками очевидного и/или познанного. Его деятельность – это деятельность приобщения, деятельность охвата всего, что может быть охвачено. <...> Именно в силу партиципативности своего мышления человек готов приобщить к известной ему реальности любую другую, в том числе и языковую, конструируемую рассказом о событии”.²⁴ По мнению указанного автора, такое известное понятие, как внутренняя форма, «*рассмотренное в диахронической перспективе, также*

указывает на партиципативность изначальной когнитивно-семантической сферы языка”.²⁵

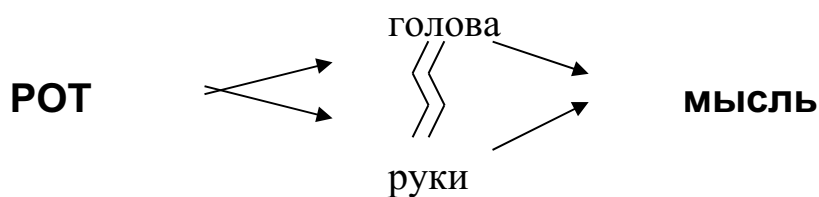
Следовательно, чтобы обнаружить, где берут начало наиболее глубинные смыслы, а также выделить самые ранние значения в языке, необходимо соотнести отдельные смыслы и их сочетания с частями тела человека или животного. Кроме того, нельзя забывать о том, что “рассказ – единственный способ приобщения нового к известному. Человек удовлетворяется рассказом потому, что таким образом реализуется партиципативная сущность его бытия и сознания”.²⁶ Вот почему исходные смыслы возникали и соединялись друг с другом на лингвистической основе, но не в связи с какой-либо экстралингвистической ситуацией.

Отмечая несомненную номинативную связь смыслов *голова*, *глаз* и *рука*, нельзя, тем не менее, не отрицать любые экстралингвистические толкования и интерпретации этой связи. *Голова* и *рука* соотносятся друг с другом при помощи смысла *рот*.²⁷ Если *рот* = *голова* (по смежности) и *рот* = *рука* (функционально), то приблизительное равенство смыслов *голова* и *рука* не должно вызывать ни малейших сомнений.

Разум восходит к слову, обозначающему руки.²⁸

Обратимся к примерам:

Англ.: *to fasten upon an idea* – **ухватился за мысль**. Глагол *to fasten* в прямом значении переводится как **сцепить** (руки или зубы), а в переносном – как **устремить** (мысли, взгляд). Сравним с немецким глаголом *fassen*, который является аналогом английского глагола *to fasten* в синтагмах *einen Gedanken fassen* (**задаться мыслью**) и *keinen Gedanken fassen* (**быть не в состоянии собраться с мыслями**). Английское *To fasten* и немецкое *fassen* первоначально означали действия, производимые только руками, но смысл *рука*, как известно, соотносится со смыслом *рот*, который, в свою очередь, приравнивается к смыслу *голова* или *мысль* (по месту действия). То есть развитие современного значения анализируемых словосочетаний, вероятно, происходило так:

Те же самые исходные образы стимулировали возникновение целого ряда подобных идиом и в славянских языках. Например, укр.: *схопити думку*, где *с-хопити* (*s-mobile*) = *хапати*; это действие, производимое руками или ртом²⁹ (ср. в болгарском языке *хапка* – *откушенный кусок чего-либо*), *рот* / *рука* соотносится с *головой*; а затем с *мыслью*. Подобным образом можно истолковать первоначальную мотивировку словосочетаний *братися за розум, голови не береться* в украинском языке и *поймать себя на мысли, ухватиться за мысль, охватывать умом* в русском языке.

Номинационная связь *ума* и *руки* обуславливает дальнейшее развитие соотношения исходных образов. Так, понятия *ум* и *думать*, непосредственно связанные между собой, соотносятся со смыслом *говорить*, ведь *думать, мыслить* значит *говорить для себя*.³⁰ Следующим звеном в выстраиваемой нами цепи соответствия значений должно, на наш взгляд, стать *слово*. По мысли М.М. Маковского, английские *ward* (*слово*) и *sward* (*меч*) были близки по смыслу в древнем сознании, так как люди изначально верили в то, что “*слово обладало волшебной силой, способной как исцелить, так и погубить*”. По этой причине “*орудия войны, прежде чем они применялись в действии, обычно заговаривались*”.³¹ Однако в приведенном нами толковании никак не отражены лингвистические факторы, влияющие на формирование первичных значений. Следовательно, его нельзя считать удовлетворительным.

Английские лексемы *ward* и *sward* (*s-ward, s-mobile*) действительно представляли собой одно и то же слово, потому что меч, как и любое другое оружие, является продолжением руки и приравнивается к смыслу *рука*. На самых ранних этапах становления языка люди изъяснялись при помощи жестов, то есть слова в древности “*произносились*” при помощи рук. По мнению Н.А. Луценко, в русском языке *слово* (*с-слово, s-mobile*) можно приравнять к глаголу *ловить* (*лов-ить*), обозначающему действие, производимое руками.³² Сравним с русским *молить* = *молвить* и *молить* = *убивать* (скот).³³

Как видно, *слово* издавна приравнивалось к *руке*, вот почему в наивно-языковой картине мира славян и германцев слова рассматривались как нечто такое, что можно было 1) дать кому-либо: *to give one's word to smb* (*дать слово, дати слово*); держать

в руках: *to keep one's word* (*сдерживать слово, дотримувати слова*); бросить: *He hasn't a word to throw at a dog* (букв.: у него нет слова, которым можно бросить в собаку, т.е. *от него и слова не добьешься; бросаться словами, перекинуться словцом, докинути слівце, перекидатися словами*); 4) брать, подбирать: *to pick up one's words* (*тщательно подбирать слова*) и т.д.

Сложение смыслов *рука* и *слово* послужило толчком к возникновению в языке следующих синтагм:

русск.: *ловить на слове* (лов-ить + с-лов-е);

ловко придумано, где *лов-ко* → лов-ить → с-лов-о, а *думать* → говорить для себя → слово;

рубить плеча, где *рубить* → руки, *с-плеча* → плечо → рука;

укр.: *сказати руба*, где *сказати* → слово, *руба* → рубати → руки → слово;

русск.: *язык заплетается*, сравним с русск. *плетение словес*, где *плести* ≈ *рассказывать*.

Итак, многочисленные совпадения значений, наблюдаемые в типологически дистантных языках, свидетельствуют в пользу древности исходных смыслов, соединивших лексемы-соматизмы в синтагмы (чем древнее смысл, тем выше степень его распространенности в языках, относящихся к разным группам). Совпадения могут быть также обусловлены сходством в истории формирования и развития языков.

В нашем случае особый интерес представляют те конфигурации смыслов, которые повторяются в качестве фоновых в связанных сочетаниях слов исследуемых языков.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by* The University of Chicago Press, 1980. – P. 113-128.
2. Херадштейт Д., Нарвеса У. Психологические ограничения на принятие решений // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. – М., 1987. – С. 69-81.
3. Олкер Х.Р. Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Там же, с. 146-155.
4. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // *Новое в зарубежной лингвистике*. – Вып. 23: Когнитивные процессы. – М., 1988. – С. 80-118.
5. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Там же, с. 118-143.
6. Шпербер Д., Уильсон Д. Релевантность // Там же, с. 144-160.

7. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. – М., 1996. – С. 93.
8. Манерко Л.А. Два базовых понятия прототипической семантики // III Житниковские чтения. – Ч. 1. – Челябинск, 1899. – С. 197.
9. Архипов И.К. Лексический прототип, лексема и соотношение языка и речи // Сборник научных трудов, посвященных юбилею Е.С. Кубряковой. – М., 1997. – С. 97.
10. Geeraerts, D. Introduction: Prospects and problems of Prototype Theory // Linguistics. – 1989. – № 27. – P. 587-612.
11. См. сн. 9, с. 27.
12. См. сн. 8, с. 201.
13. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997. – С. 105.
14. Казаков А.В. К проблеме образных средств, содержащих названия частей тела в английском языке // Вопросы романо-германской филологии: Сборник научных трудов. – Киров, 2000. – С. 34.
15. Луценко Н.А. Введение в лингвистику слова. – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2003. – С. 63-69.
16. Таукчі О.Ф. Теоретичні аспекти вивчення іменної і дієслівної лексичної сполучуваності в англійській, українській і російській мовах: Автореферат дис. ... канд. наук: 10.02.15 / Донецький національний університет. – Донецьк, 2006. – С. 6-8.
17. Чой Юн Хи. Проблемы сопоставления внутренней формы фразеологизмов (на примере соматических фразеологических единиц, образованных на основе слова “глаз” в русском и корейском языках) // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей. – Вып. 16. – М., 2001. – С. 37.
18. Адамсон И. Соматические фразеологизмы с компонентом “рука” в русском и эстонском языках // Русская филология. – Тарту, 2000. – № 11. – С. 218.
19. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М., 1980. – С. 93.
20. Там же, с. 93.
21. Там же, с. 93.
22. Алексеева С.Г. Фразеологический образ как один из структурообразующих факторов семантики фразеологизмов // Ученые записки Благовещенского государственного педагогического университета. – Т. 18. – Вып. 2. – Благовещенск, 1999. – С. 168-175.
23. Соловьева Л.С. Символическая мотивированность фразеологических единиц немецкого языка // Актуальные проблемы в исследовании романо-германских языков. – М., 2001. – С. 39-42.
24. Луценко Н.А. От языка к мифу // Филологические исследования. – Донецк: Юго-Восток, 2001. – С. 276-277.
25. Там же, с. 278.
26. Там же, с. 277.
27. Луценко Н.А. Из записок по диахронической семантике “ум” // Нова філологія. – 2003. – №3(18). – Запоріжжя: ЗДУ, 2003. – С. 6.
28. Там же, с. 5.
29. Там же, с. 6.
30. См. сн. 24, с. 276.
31. Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. – М: Издательский дом “Диалог”, 2000. – С. 401.
32. См. сн. 27.
33. См. сн. 31.